

18+

Александр Скальв

**СОНЕТЫ ШЕКСПИРА
89—112, 127—134.
СУД НАД ЛОЖЬЮ
СЕРДЦА (6)**

Историческая головоломка

Александр Скальв

**Сонеты Шекспира 89—112, 127
—134. Суд над ложью сердца
(6). Историческая головоломка**

«Издательские решения»

Скальв А.

Сонеты Шекспира 89—112, 127—134. Суд над ложью сердца
(6). Историческая головоломка / А. Скальв — «Издательские
решения»,

ISBN 978-5-44-965085-6

Эта книга — шестая в серии из 8-ми книг логического и исторического анализа, в котором найдено решение проблемы хронологии всех сонетов Шекспира. Книги этой серии будут интересны шекспироведам, историкам, биографам, преподавателям и студентам театральных и литературных вузов, сценаристам, театральным режиссёрам, знатокам и любителям классической поэзии и истории средних веков, любому англичанину, владеющему русским, а также любителям логических головоломок во всём мире.

ISBN 978-5-44-965085-6

© Скальв А.

© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Часть 1. Адресность сонетов 89—112 и 127—134	8
Глава 1. Сонеты 89—93. Притворившаяся любимой	8
Сонет 89	9
Сонет 90	10
Сонет 91	11
Сонет 92	12
Сонет 93	13
Глава 2. Сонеты 94—96. Забавляющийся честью	15
Сонет 94	16
Сонет 95	18
Сонет 96	20
Глава 3. Сонеты 97—99. Украденная цветами	22
Сонет 97	23
Сонет 98	24
Сонет 99	25
Глава 4. Сонеты 100—105. Забытый Музой	27
Сонет 100	28
Сонет 101	29
Сонет 102	30
Сонет 103	32
Сонет 104	33
Сонет 105	34
Глава 5. Сонеты 107—112. Суд над ложью сердца	36
Сонет 107	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сонеты Шекспира 89—112, 127 —134. Суд над ложью сердца (6) Историческая головоломка

Александр Скальв

© Александр Скальв, 2019

ISBN 978-5-4496-5085-6 (т. 6)

ISBN 978-5-4496-3971-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Это – шестая книга научно-популярной серии о сонетах Шекспира. Но это – не сборник ранее известных трактовок и не анализы поэтических приёмов или богатства и выразительности языка, которых также громадное количество в шекспироведении.

Эта книга – своего рода, исторический детектив, так как логический и исторический анализ текста сонетов идёт в двух направлениях: на определение адресности каждого сонета, выводимой из указаний Шекспира (в начальных главах книги), и на соответствие сюжета, также выведенного из указаний Шекспира, фактам биографий предполагаемых реальных персон – персонажей сонетов (в конечных главах).

Все трактовки сонетов, как в анализе на адресность, так и в анализе на соответствие фактам биографий являются полностью оригинальными, не повторяющими ни одной логики ранее известных трактовок, хотя, иногда, совпадающими в промежуточных выводах, например, об адресности или значении отдельных фактов. Это является очевидным следствием того обстоятельства, что ни одна из ранее известных трактовок не образует логических связей, дающих множественные соответствия на всём поле сонетов.

Такой ракурс анализа не является предметом литературоведения, так как, в данном случае, неизвестно не только количество лирических героев – адресатов сонетов, но и их пол, а также то, что легло в основу сюжета – свободная фантазия Шекспира или его жизнь, т.е. реальные факты истории и биографии.

Таким образом, перед нами, обратная задача литературоведения, т. е. нам нужно: не найти грани натуры известного лирического героя, а сделать всё ровно наоборот: по известным чертам характера вывести образ неизвестного одного или нескольких лирических героев. В классическом литературоведении такая задача не имеет практического смысла, и поэтому эта наука не имеет методов её решения.

Популярное представление, что сонеты Шекспира разделены по адресности на две большие группы: сонеты 1—126 адресованы Другу, а сонеты 127—154 адресованы Возлюбленной, является всего лишь версией, хотя и выведенной из редких, отдельных указаний Шекспира на пол адресата, но не находящей подтверждения в фактах истории и биографии на всём поле сонетов. Кроме того, при такой адресности не удаётся даже связать в единый сюжет все сонеты, вследствие чего он до сих пор не был найден.

Однако, в поиске решения этой загадки сонетов Шекспира нам не поможет и криминалистика, так как, в нашем случае известно, кто написал текст, т. е. «преступник» известен, а неизвестны не только его «жертвы» – адресаты сонетов, но и время и место «преступления», т. е. – датировки сонетов.. Таким образом, перед нами не только обратная задача литературоведения, но и обратная задача криминалистики. Но и для этой науки её обратная задача не имеет практического смысла, и потому также не имеет методов решения.

Но если Вы видите эту книгу, то загадка как-то разгадана. Как же?

Основой решения стала простая логика в связке с фактами истории и биографии. Однако путь к пониманию решения не так прост, хотя основные принципы можно изложить в нескольких главах, но объём общего анализа, ведущего к цели, громаден.

Для облегчения понимания книга, как и все книги этой серии, разделена на две части.

В первой части вниманию читателя предлагается анализ на адресность всех сонетов в порядке возрастания нумерации.

В этом анализе приводятся только оригинальные тексты сонетов Шекспира на староанглийском языке, так как существенные моменты адресности являются малой частью сонета (одна-две строки) и чаще видны только в оригинале, как в моей версии новой адресности, так и в альтернативных версиях, которые я тоже рассматриваю.

Также разбираются обоснования переводов некоторых сонетов.

Во второй части представлен анализ на соответствие сюжета сонетов фактам биографий, который ведётся в порядке написания сонетов с использованием ранее найденной новой адресности.

Для этого последовательно выдвигаются и обосновываются версии о новом сюжете, о новом порядке написания и о новой хронологии (датировке) сонетов Шекспира.

В этом анализе представлены и используются мои поэтические переводы сонетов, так как здесь существенным моментом является содержание сонета полностью, которое должно быть понятно русскоязычному читателю.

Все даты событий и дни недели той эпохи, а также датировки сонетов приведены в юлианском календаре, отстающем в 16 веке от григорианского на 10 дней. В связи с началом нового года в Англии в эпоху Шекспира с 25 марта, обозначение года с 25 марта по 31 декабря соответствует григорианскому календарю с началом года с 1 января, а обозначение года с 1 января по 24 марта указывает предыдущий и через косую черту следующий, но пока до 25 марта не наступивший по юлианскому, но наступивший с 1 января по григорианскому календарю, год. Например, обозначение дат полного года григорианского календаря в первом случае: 25 марта – 31 декабря 1597 года, во втором случае: 1 января – 24 марта 1597/8 года. Это позволяет избежать путаницы в годах, возникающей при ссылке на документы, датированные с 1 января по 24 марта по юлианскому календарю.

Часть 1. Адресность сонетов 89—112 и 127—134

Глава 1. Сонеты 89—93. Притворившаяся любимой

Так выделена череда сонетов 89—93, где адресатом является возлюбленная поэта. Мы не можем распространить действие признаков, выделенных в предыдущей череде 82—88 и далее на сонет 89, так как встречаем в нём противоречие с предыдущими сонетами.

Поэтому в сонете 89 происходит смена адресата.

Сонет 89

Тема сонета 89, казалось бы, является развитием темы сонета 88, ведь и там, и здесь речь идёт о размолвке, о расставании с адресатом: «скажи, что брошен я, вина моя – Say that thou didst forsake me for some fault».

Сонет 89. Оригинальный текст

Say that thou didst forsake me for some fault,
And I will comment upon that offence;
Speak of my lameness, and I straight will halt,
Against thy reasons making no defence.
Thou canst not (love) disgrace me half so ill,
To set a form upon desired change,
As I'll myself disgrace, knowing thy will:
I will acquaintance strangle and look strange,
Be absent from thy walks, and in my tongue
Thy sweet beloved name no more shall dwell,
Lest I (too much profane) should do it wrong,
And haply of our old acquaintance tell.
For thee, against myself I'll vow debate,
For I must ne'er love him whom thou dost hate.

Но преемственность темы – не гарантия преемственности адресата, а при его смене служит только указателем последовательности написания.

Главное – ракурс темы не должен быть противоречивым в отношении адресата.

Здесь же мы видим явное противоречие сонету 88.

Ведь только что (в сонете 88) поэт собирался «рассказать», обещал «славу», и вдруг в сонете 89 утверждает обратное – собирается всё скрыть, «не выдать» адресата: «чтоб мне по простоте не оплошать, не выдать старой связи – Lest I (too much profane) should do it wrong, And haply of our old acquaintance tell».

Такое отношение мы встречали ранее только к возлюбленной поэта, например, в сонете 36.

В очередной раз повторю, что в рамках нашей логики поэт не занимается фантазированием и не придумывает разные смыслы для одной темы, а записывает реальные события своей жизни, не меняя отношений к адресатам.

Поэтому в сонете 89, по сравнению с сонетом 88, происходит смена адресата по правилу 4 «свода неизменных правил».

Этим адресатом становится возлюбленная поэта.

Сонет 90

Отражает развитие отношений с возлюбленной.

Очевидно, что ни о какой любви с её стороны речи нет – поэт говорит только о себе.

Сонет 90. Оригинальный текст

Then hate me when thou wilt, if ever, now
Now while the world is bent my deeds to cross,
Join with the spite of Fortune, make me bow,
And do not drop in for an after-loss.
Ah do not, when my heart has scaped this sorrow,
Come in the rearward of a conquered woe;
Give not a windy night a rainy morrow,
To linger out a purposed overthrow.
If thou wilt leave me, do not leave me last,
When other petty griefs have done their spite,
But in the onset come; so shall I taste
At first the very worst of Fortune's might;
And other strains of woe, which now seem woe,
Compared with loss of thee, will not seem so.

Намёк: «гнетёт мой крест земной – Now while the world is bent my deeds to cross», возможно, подразумевает ситуацию с «чужими стихами» и размолвку с другом, произошедшую недавно.

И тогда обращение к адресату: «не стань последней из потерь – And do not drop in for an after-loss» говорит о том, что этот адресат совсем не друг, которого поэт в этот момент считал уже потерянным (сонеты 87,88 и частично сонет 86 («я, потеряв тебя, писать не смог»)).

Но намёки на этом не заканчиваются – поэт ставит перед адресатом неисполнимые одновременно условия, как бы подталкивая того к отказу от мотивов.

Ведь кому захочется «не любить и отвернуть – Then hate me when thou wilt, if ever, now» последним ударом, который сломит человека?

Кого прельстит перспектива одуматься: «так не верни подавленной тоски – Ah do not, when my heart has scaped this sorrow», когда будет уже поздно: «не дай предназначенье затянуть – To linger out a purposed overthrow»?

Кто сможет определить, что первый его удар или последний? Тем более, что поэт уже говорит и о «бедах», и о «кресте» как о произошедших реальностях.

Но всё вместе это вступает в противоречие с желанием самого поэта, выраженным в сонете 87 – «прощай».

Другими словами, там – решение поэта расстаться, а здесь – воззвание к воле самого адресата решить вопрос о расставании.

Кроме того, было бы таким же явным противоречием для последовательного Шекспира говорить одному и тому же адресату в предыдущих сонетах «прощай» (сонет 87) и «приму любой позор» (сонет 88) и теперь – «отвергни, сломив меня», «дай изведать сначала худший вред – At first the very worst of Fortune's might» – т.е. там – готовность (адресат может делать что угодно), а здесь – неготовность принять превратности судьбы (адресат мог бы облегчить беду).

Эти нюансы также подтверждают смену адресата в предыдущем сонете, а значит, и адресата сонета 90 – возлюбленную поэта.

Сонет 91

Сам по себе, отдельно от других сонетов, не даёт определённых указаний на адресата. Но этим сонетом начинается группа из трёх сонетов, с переходящим развитием обстоятельств.

Переходы от сонета к сонету связаны развитием смысла замка предыдущего сонета в зачине последующего сонета.

Сюжет этой группы сонетов продолжается от сонета 91 до сонета 93.

Начинается всё с темы «людских гордостей» в сонете 91.

Сонет 91. Оригинальный текст

Some glory in their birth, some in their skill,
Some in their wealth, some in their body's force,
Some in their garments, though new-fangled ill,
Some in their hawks and hounds, some in their horse;
And every humour hath his adjunct pleasure,
Wherein it finds a joy above the rest;
But these particulars are not my measure:
All these I better in one general best.
Thy love is better than high birth to me,
Richer than wealth, prouder than garments' cost,
Of more delight than hawks and horses be;
And having thee, of all men's pride I boast:
Wretched in this alone, that thou mayst take
All this away, and me most wretched make.

Назначением этой темы является возможность для поэта сказать об особом положении Любви в сравнении с любыми другими занятиями людей. Высокое рождение Любви имеет превосходящий статус над всеми людскими гордостями, в том числе и над «происхождением» человека, т.е. над его статусом в обществе.

Важно обратить внимание, что в этом нет намёка на то, что адресат высокороден, ведь иначе поэт не выделял бы «происхождение» в отдельную «людскую гордость», а сразу бы сказал, что «высокое рождение» Любви доступно только высокородным людям.

Этот ракурс нужно запомнить для сравнения с сонетами 107, 114 и 124, где этот же смысл подтверждается поэтом, но некоторые комментаторы усматривают связь темы со статусом адресата.

Как видим, задолго до сонета 107 поэт уже применил это сравнение и для написания, например, сонета 107 ему не нужно было ждать каких-то особых событий. В сонете 91 этот смысл не указывает на адресата, так как мог быть обращён как к другу, так и к возлюбленной.

Но так как противоречия с предыдущим сонетом нет, то пока продолжаем считать, что адресатом сонета 91 является возлюбленная поэта.

На данном этапе для нас более важно то, чем заканчивается сонет, т.е. его замок. Фраза «боюсь лишь, что отнимешь блага эти, и стану я несчастней всех на свете – Wretched in this alone, that thou mayst take All this away, and me most wretched make» является не только завершающей мыслью сонета 91, но, как увидим далее, и предшествующей мыслью сонета 92, так как продолжение смысла этого предложения мы встретим в следующем сонете 92, в его зачине.

Сонет 92

Преимственность с сонетом 91 выражена явно.

Сонет начинается с зачина: «но худшее сверши, себя украв – But do thy worst to steal thyself away». Понять этот зачин отдельно от замка сонета 91 весьма затруднительно, ведь в дальнейшем тексте сонета нет объяснений, ни относительно чего это «но», ни в сравнении с чем это «худшее».

А вот если считать, что эта фраза является продолжением смысла предыдущего предложения в замке сонета 91, то всё находит объяснение. Ведь в замке сонета 91 речь, как раз, и была о том, что адресат может отнять свою любовь у поэта, и тогда поэт станет несчастным, «но»! может произойти ещё более «худшее» – адресат «украдёт себя», т.е. не просто перестанет любить, а изменит поэту.

Весь сонет 92 является продолжением и развитием этой мысли, что бесспорно свидетельствует об очерёдности написания.

Сонет 92. Оригинальный текст

But do thy worst to steal thyself away,
For term of life thou art assured mine,
And life no longer than thy love will stay,
For it depends upon that love of thine.
Then need I not to fear the worst of wrongs,
When in the least of them my life hath end;
I see a better state to me belongs
Than that which on thy humour doth depend.
Thou canst not vex me with inconstant mind,
Since that my life on that revolt doth lie.
O what a happy title do I find,
Happy to have thy love, happy to die!
But what's so blessed-fair that fears no blot?
Thou mayst be false, and yet I know it not.

Таким образом, тема «людских гордостей» сонета 91 плавно переходит в тему противодействия «измене» адресата в сонете 92.

Поэт находит два способа противодействия измене – или сразу умереть, или вообще не знать о ней. Последний способ выражен во фразе: «так притворись – мне правда не нужна – Thou mayst be false, and yet I know it not», которая является заключительной фразой сонета 92. Её важно запомнить, так как следующий сонет 93 Шекспир также напишет, как продолжение сонета 92.

Однако, если рассматривать сонет 92 в отрыве от других сонетов, то в нём также, как в сонете 91, нет признаков, по которым можно было бы узнать адресата.

Поэтому, так как присутствует явная преимственность смысла с сонетом 91, и отсутствуют с ним противоречия, мы продолжаем считать адресатом сонета 92 возлюбленную поэта.

Сонет 93

Продолжает тему противодействия измене адресата, но теперь развивая способ этого противодействия, упомянутый в заключительной фразе сонета 92. Сонет 93 начинается с предложения: «Я должен жить, в тебе не сомневаясь, как муж, обманут внешностью любви – So shall I live, supposing thou art true, Like a deceived husband; so love's face», что полностью согласуется с замком сонета 92, где было сказано «так притворись – мне правда не нужна».

Преемственность смысла очевидна, а, значит, противоречия нет, что указывает на прежнего адресата – на возлюбленную поэта.

Сонет 93. Оригинальный текст

So shall I live, supposing thou art true,
Like a deceived husband; so love's face
May still seem love to me, though altered new;
Thy looks with me, thy heart in other place:
For there can live no hatred in thine eye,
Therefore in that I cannot know thy change.
In many's looks, the false heart's history
Is writ in moods and frowns and wrinkles strange,
But heaven in thy creation did decree
That in thy face sweet love should ever dwell;
What e'er thy thoughts or thy heart's workings be,
Thy looks should nothing thence but sweetness tell.
How like Eve's apple doth thy beauty grow,
If thy sweet virtue answer not thy show!

Но, помимо этого, сам сонет 93 содержит два однозначных указания на адресата – женщину.

Ранее мы ни разу не видели, чтобы Шекспир позволил себе двусмысленные намёки на плотскую любовь по отношению к мужчине.

Необходимо пояснить, что под двусмысленностью намёков понимается только возможность двойной интерпретации и ничего более. Но если бы Шекспир был настолько наивен, что бессознательно допускал бы в сонетах возможность двойных толкований, на самом деле ни на что другое не намекая, то очень быстро ему бы на это указали либо разозлённые адресаты, либо другие поэты – насмешники.

Но Шекспир дорожил мнением и тех, и других, ведь все его двусмысленные намёки сделаны осознанно.

Поэтому здесь у нас также нет оснований считать Шекспира наивным.

Речь о намёке – «как муж, обманут внешностью любви». Использовать такую фразу в отношении мужчины Шекспир не мог (см. сонет 20), ведь тогда она сразу превращается в двусмысленность только от одного слова «муж» (отношения с адресатом сравниваются с супружескими, т.е. плотскими).

А вот в отношении женщины – почему бы и нет? Ведь мы видели у Шекспира и более откровенные намёки при обращении к возлюбленной (сонет 51).

Второй намёк заключён в сравнении красоты адресата с «яблоком Евы». Но ведь известна и роль этого яблока, и кто были персонажи этой истории (отнюдь не два мужчины), и что последовало за его «вкусением».

Обратиться с таким намёком к другу – невозможно для Шекспира.

А так как в предыдущих сонетах, не содержащих определённых указаний, начиная с сонета 91, не было ни одного противоречия в отношении адресата, то все указания на адресата из сонета 93 можно также распространить на адресата сонетов 91 и 92, и теперь уже окончательно его подтвердить.

Везде адресат – возлюбленная поэта.

Как видим, начиная с сонета 91, очерёдность написания сонетов 91—93 выражена в преемственности замка и зачина сонетов, как будто, эти три сонета являются одним стихотворением, настолько органично идёт развитие мысли от сонета к сонету.

Глава 2. Сонеты 94—96. Забавляющийся честью

Так выделена череда сонетов 94—96 с адресатом – другом поэта.

Мы не можем распространить действие признаков предыдущей череды 89—93 далее на сонет 94, так как встречаем в нём противоречие.

Сонет 94

Первое, что очевидно, это то, что единый текст сонетов 91—93 закончился.

Между замком сонета 93 и зачином сонета 94 нет смысловой связи.

Сама тема сонета 94 могла бы быть связана с сонетом 93, который завершился упоминанием «красоты», как «яблока Евы».

Теперь в сонете 94 поэт вполне мог бы подразумевать под «теми», кто «наследует по праву» «чудесную внешность», в том числе, и свою возлюбленную.

Однако, есть два нюанса, которые противоречат такой возможности.

Первый нюанс в исключительно душевном характере отношений, который виден в сонете 94, ведь намёков на плотские отношения нет.

Этого было бы недостаточно, если бы не было второго нюанса во фразе: «они – владельцы, лорды лиц чудесных, другим – лишь их величеству служить – They are the lords and owners of their faces, Others but stewards of their excellence.», что указывает на внешность адресата, как на предмет поклонения и восхищения для всех, а не только для поэта.

Но такую роль поэт всегда отводил только другу (сонеты 53, 54, 55, 69, 70), при этом во всех других сонетах другу, также упоминая его внешность.

Возлюбленной же поэт восхищался единолично, скрывая её от других (сонеты 21, 36, 48, 52, 89), при этом в подавляющем большинстве других сонетов к ней, не упоминая её внешности вообще.

Так и в предыдущем сонете 93 красота возлюбленной, упомянутая в греховном ракурсе: «меня как Евы яблоко манит та красота, хоть знаю, сладок – вид», привлекает только самого поэта, а не «других», как в сонете 94, где нет и намёка на греховность красоты.

Поэтому в сонете 94 мы имеем противоречие с сонетом 93 и по правилу 4 «свода неизменных правил» обязаны признать смену адресата.

Сонет 94. Оригинальный текст

They that have pow'r to hurt, and will do none,
That do not do the thing they most do show,
Who, moving others, are themselves as stone,
Unmoved, cold, and to temptation slow —
They rightly do inherit heaven's graces,
And husband nature's riches from expense;
They are the lords and owners of their faces,
Others but stewards of their excellence.
The summer's flow'r is to the summer sweet,
Though to itself it only live and die,
But if that flow'r with base infection meet,
The basest weed outbraves his dignity:
For sweetest things turn sourest by their deeds;
Lilies that fester smell far worse than weeds.

Однако, в сонете 94 отсутствует обращение к адресату. Можно определённо говорить только то, о ком написан сонет – о друге поэта, но утверждать, что он ему же и адресован, нет оснований.

Поэтому здесь мы имеем ту же ситуацию, что и с философскими сонетами 63—68, когда сонет посвящён другу, но не обращён к нему. Это указывает на возможные особые обстоя-

тельства написания сонета 94, которые нам пригодятся при анализе на соответствие с фактами биографий.

Поэтому формально мы обязаны снова, как в сонетах 62—68, признать адресатом сонета 94 условного адресата: «поэта», ведь такая мелочь может оказаться одним из соответствий в анализе на соответствие с фактами биографий.

Сонет 95

Обращает на себя внимание подход поэта к недостаткам адресата.

Подход в корне поменялся в сравнении с сонетами 92 и 93.

Если там поэт и сомневается, и не хочет знать о неверности адресата, вплоть до своей смерти, то здесь он говорит о недостатках адресата, как о точно известном ему факте. Признать и здесь, и там одного адресата, значит, обвинить Шекспира в противоречии самому себе. Но наша логика запрещает считать Шекспира непоследовательным.

Поэтому подобные противоречия – типичный пример другого адресата.

С другой стороны, сонет 95 не противоречит сонету 94, где в замке высказана та же мысль, что и в замке сонета 95, а именно, что порок («гниль» (сонет 94), «ржавчина» (сонет 95)) смертелен даже для самого прекрасного и прочного («лилии» (сонет 94), «нож» (сонет 95)).

Таким образом, мы наблюдаем преемственность смысла сонета 95 с сонетом 94, что в свою очередь подтверждает персонажа в сонете 94 – друга поэта.

Сонет 95. Оригинальный текст

How sweet and lovely dost thou make the shame
Which, like a canker in the fragrant rose,
Doth spot the beauty of thy budding name!
O in what sweets dost thou thy sins inclose!
That tongue that tells the story of thy days
(Making lascivious comments on thy sport)
Cannot dispraise, but in a kind of praise,
Naming thy name, blesses an ill report.
O what a mansion have those vices got
Which for their habitation chose out thee,
Where beauty's veil doth cover every blot,
And all things turns to fair that eyes can see!
Take heed (dear heart) of this large privilege:
The hardest knife ill used doth lose its edge.

Кроме того, в сонете 95 дано указание на элемент социальной морали, который, весьма вероятно, не сильно отличался от сегодняшнего.

Речь о «фривольности утех», которые могут быть оправданы «именем» адресата – Naming thy name, blesses an ill report.

Нет оснований предполагать, что английское общество 16-го века могло оправдывать «фривольное» поведение женщины, даже до брака. Тем более, что в этот период пуритане во власти были весьма сильны.

Но для мужчины не было таких жёстких ограничений. Например, вдова была обязана соблюдать траур в течение года, а для вдовца он равнялся трём месяцам. И так, в пользу мужчины, было во всём.

Поэтому «имя» в сонете 95, которое-таки «оправдает» адресата не может быть женским, ведь оно «оправдывает» перед любым (т.е. всем обществом), «кто расскажет...».

То, что таким отношением поэта к «утехам» в сонете 95 там подтверждается адресат – мужчина, указывают и женские сонеты 57 и 58, где выражено противоположное отношение, казалось бы, к тем же утехам (но не названным «фривольными»), ведь противоречие, по нашей логике, является указанием на другого адресата.

В сонетах 57 и 58 нет общественного оправдания, как в сонете 95, а есть только желание самого поэта не придавать значения и не расстраиваться из-за таких «грехов» адресата.

Помимо вышеизложенного, видим также в сонете 95 развитие темы «мужских» сонетов 69 и 70. Поэт сменил форму подачи основной идеи, памятуя о неудачной попытке сонета 69. Теперь недостатки друга преподносятся как достоинства, без которых можно и обойтись.

Все это, вместе взятое, избыточно указывает на то, что адресатом сонета 95 является друг поэта.

Сонет 96

Продолжает тему «грехи как достоинства».

Противоречий с предыдущим сонетом нет. Адресат – прежний – друг поэта.

Сонет 96. Оригинальный текст

Some say thy fault is youth, some wantonness,
Some say thy grace is youth and gentle sport;
Both grace and faults are loved of more and less:
Thou mak'st faults graces that to thee resort.
As on a finger of a throned queen
The basest jewel will be well esteemed,
So are those errors that in thee are seen
To truths translated, and for true things deemed.
How many lambs might the stern wolf betray,
If like a lamb he could his looks translate!
How many gazers mightst thou lead away,
If thou wouldst use the strength of all thy state!
But do not so; I love thee in such sort,
As thou being mine, mine is thy good report.

Сонет 96 примечателен тем, что его замок в оригинале в точности повторяет замок «женского» сонета 36.

Нам интересен сам факт повтора. Он подтверждает разных адресатов в сонетах 36 и 96, ведь Шекспир не повторяет одно и то же одному адресату – только разным (правило 3).

Другие указания, на адресата сонета 36 – возлюбленную поэта, были разобраны при его анализе.

Но если сонет 96 рассматривать отдельно от, связанных с ним, сонетов, то в нём нет признаков, по которым можно было бы определить адресата только из текста сонета. Поэтому здесь мы имеем случай, когда сонет нельзя отделить от предыдущей череды, так как первым указанием на адресата, является отсутствие противоречий с предыдущими сонетами.

Мы продолжаем наблюдать преемственность смысла с сонетами 95 и 94. Но основная мысль сонетов 94—96 не в том, что красотой можно «обернуть в добродетель» любой порок, а в том, что, несмотря на красоту, у друга не должно быть пороков вообще.

«Не делай так!» (сонет 96) – вот что беспокоит поэта, вот что его удручает. Это – всё та же мысль, но выраженная в сравнениях: несмотря ни на какую внешнюю привлекательность, если завелась гниль, она убьёт самый лучший цветок (сонет 94), если завелась ржавчина, она разъест самую прочную сталь (сонет 95), если завёлся порок, он убьёт не только честь друга, но и честь поэта (сонет 96).

Вероятно, Шекспир хотел объяснить другу намёки, и использовал замок из сонета 36 второй раз.

Важно заметить, что, использованный повторно, замок сонета 36, в сонете 96 утверждает смысл ровно противоположный сонету 36.

В том и другом сонете смысл замка идёт в связке с третьим катреном, иначе невозможно понять, чего же «не делать» адресату.

В сонете 36 воззвание «не делай так» связано с желанием поэта не допустить ситуации, когда отношения адресата с ним станут известны всем, т.е. поэт призывает адресата ввести

всех в заблуждение на счёт «греха» адресата (в этом случае – связь с поэтом), мол, только это сохранит честь адресата.

В сонете 96 мы также видим призыв «не делай так», но к противоположному – не пользоваться своей способностью придать «грехам очарование» в отношении «многих» (всех), т.е., наоборот, не вводить никого в заблуждение на счёт своих «грехов» (в этом случае – всех грехов, без исключения), и только так адресат сохранит свою честь.

Поэтому это противоречие является дополнительным указанием на разных адресатов в сонетах 36 и 96, т.е. ещё одним подтверждением адресата – друга поэта в сонете 96.

Глава 3. Сонеты 97—99. Украденная цветами

Так выделена череда сонетов 97—99 с адресатом – возлюбленной поэта.

Мы не можем распространить действие признаков череды 94—96 и далее на сонет 97, так как встречаем в нём противоречие в отношении адресата – друга поэта.

Сонет 97

Сменилась тема, но не она противоречива в отношении друга поэта. Ведь разлука с другом вполне возможна также, как и с возлюбленной.

Сонет 97. Оригинальный текст

How like a winter hath my absence been
From thee, the pleasure of the fleeting year!
What freezings have I felt, what dark days seen!
What old December's bareness every where!
And yet this time removed was summer's time,
The teeming autumn big with rich increase,
Bearing the wanton burthen of the prime,
Like widowed wombs after their lords' decease:
Yet this abundant issue seem'd to me
But hope of orphans, and unfathered fruit,
For summer and his pleasures wait on thee,
And thou away, the very birds are mute;
Or if they sing, 'tis with so dull a cheer
That leaves look pale, dreading the winter's near.

Указанием на адресата является смысл, выраженный в настроении сонета, который мы ранее встречали только в «женских» сонетах, когда речь шла о чувствах поэта в разлуке.

Стремление к встрече – вот этот смысл: «какой зимой мне разлученье было – How like a winter hath my absence been». В таком ключе поэт постоянно общался с возлюбленной (сонеты 27—29, 43—45, 50, 51, 57, 58).

Согласно нашей логики, поэт остаётся последовательным и не может менять отношение к адресату на протяжении всех сонетов.

Поэтому такой ракурс сонета 97 противоречив в отношении друга, с которым поэт легко может «побыть врозь» (сонет 39).

И опять, в который уже раз, необходимо не забывать, что возможность обращения поэта к другу с теми же настроениями, действительно, существует, но в рамках другой логики.

Поэтому и адресность в такой другой логике также будет другая.

Но для нас эта возможность не имеет значения. Ведь невозможно строить логичную адресность, смешивая разные логики, разные возможности поведения Шекспира, а, тем более, не просто лавируя между двумя логиками, а находя с каждым сонетом новую логику, ничем не связанную со всеми остальными, ранее найденными.

Поэтому вторым указанием на адресата сонета 97 является сонет 99, ведь мы сопоставляем признаки во всей череде 97—99.

Мы не встретим далее ни в сонете 98, ни в сонете 99 указаний на смену адресата, но встретим в сонете 99 ещё одно указание на возлюбленную поэта.

А это значит, что Шекспир в сонете 97 остался верен себе и не менял отношения к другу.

Настроение сонета 97, как и многих сонетов ранее, указывает на его адресата – возлюбленную поэта.

Сонет 98

Настроение предыдущего сонета 97 продолжается в сонете 98 – стремление к встрече выражено явно, поэту плохо без адресата, ничто, даже цветы, не радуют поэта: «без Вас зимы пора – Yet seemed it winter still, and, you away».

Этого указания вполне достаточно для определения адресата сонета 98 – возлюбленной поэта, но можно упомянуть ещё два дополнительных.

Сонет 98. Оригинальный текст

From you have I been absent in the spring,
When proud-pied April (dressed in all his trim)
Hath put a spirit of youth in every thing,
That heavy Saturn laughed and leapt with him.
Yet nor the lays of birds, nor the sweet smell
Of different flowers in odour and in hue,
Could make me any summer's story tell,
Or from their proud lap pluck them where they grew:
Nor did I wonder at the lily's white,
Nor praise the deep vermilion in the rose;
They were but sweet, but figures of delight,
Drawn after you, you pattern of all those.
Yet seemed it winter still, and, you away,
As with your shadow I with these did play.

Вторым указанием на адресата является смысл 11—12 строк. Этот смысл мы уже встречали в сонете 21 – адресат прекраснее всего, что скрыто под куполом небес. В сонете 98 речь только о цветах – адресат прекраснее цветов, образец для них.

В сонете 21 адресатом была возлюбленная поэта.

Но логика Шекспира при написании сонетов, которую мы применяем, не отвергает повторения одной мысли разным адресатам. И хотя здесь нет точного повторения, но утверждать, что Шекспир не мог обратиться так к другу, не достаточно оснований.

Но, с другой стороны, из-за этого же другого воплощения старого смысла, не достаточно оснований, чтобы отвергнуть адресата – возлюбленную поэта.

Поэтому здесь мы имеем случай, когда второе указание на адресата не является самостоятельным, а только дополняет первое указание.

Третье указание на адресата сонета 98 – на возлюбленную поэта – мы найдём в сонете 99. Ведь противоречий не будет, а мы распространяем признаки одного сонета на все сонеты череды.

Сонет 99

Обыгрывается смысл третьего катрена предыдущего сонета 98 «возлюбленная – образец цветам» и развивается «игра цветов», прямо вытекающие из замка сонета 98.

Сонет 99 выступает как бы дополнением к сонету 98, в котором не уместилось всё, что хотелось сказать поэту о своих чувствах в разлуке.

Может быть, потому сонет 99 и состоит из 15 строк?

Сонет 99. Оригинальный текст

The forward violet thus did I chide:
«Sweet thief, whence didst thou steal thy sweet that smells,
If not from my love's breath? The purple pride
Which on thy soft cheek for complexion dwells
In my love's veins thou hast too grossly dyed.
The lily I condemned for thy hand,
And buds of marjoram had stol'n thy hair;
The roses fearfully on thorns did stand,
One blushing shame, another white despair;
A third, nor red nor white, had stol'n of both,
And to his robb'ry had annexed thy breath,
But for his theft in pride of all his growth
A vengeful canker eat him up to death.
More flowers I noted, yet I none could see
But sweet or colour it had stol'n from thee.

А если никаких противоречий с предыдущими сонетами 97 и 98 нет, то, распространив их указания на сонет 99, мы имеем право считать адресатом сонета 99 возлюбленную поэта, даже не занимаясь поиском других указаний в самом сонете 99, тем более что определить это отдельно по тексту сонета 99 весьма затруднительно.

Однако, чтобы получить указание на адресата, мы имеем право воспользоваться для сравнения с сонетом 99 текстом любого другого сонета, не только предыдущих, и не только к возлюбленной, точно также, как мы делали это для определения адресатов сонетов 97 и 98.

В данном случае нам поможет сонет 20 к другу.

В сонете 20 дано однозначное указание, что любовь плоти для Шекспира возможна только с женщиной. И тогда понятно, что в сонете 99 описан один из элементов любви плоти, а именно, близость дыхания адресата, его сладость: «чей аромат присвоила, вор милый, не вздоха ли любимой – Sweet thief, whence didst thou steal thy sweet that smells, If not from my love's breath».

И также понятно, что адресовать такие намёки мужчине Шекспир не мог. А значит, адресат сонета 99 – возлюбленная поэта.

Но если мы получили независимое указание на адресата в сонете 99, то имеем право распространить его на все сонеты череды, т. е. сонеты 97 и 98.

Это и является тем дополнительным подтверждением адресата этих сонетов, о котором было упомянуто при их анализе.

Кстати, в сонете 99 мы видим редкий случай хвалы красоте возлюбленной. Но также, как уже было сказано в комментарии к сонету 98, эта хвала не противоречит ракурсу сонета 21 – «моей любимой нет светлей».

В данном случае и цветы также хуже адресата, что указывает на возлюбленную поэта.

На примере череды сонетов 97—99 можно видеть взаимосвязь всех сонетов, которую можно найти для любого сонета, без исключения, и не только этой череды.

Эта взаимосвязь выражается в том, что указания на адресата, выведенные из сравнения с одними сонетами, подтверждаются независимыми указаниями в сравнении с другими сонетами.

Например, адресат сонета 97, выведенный из сравнения с сонетами 27—29, 43—45, 50, 51, 57, 58, подтверждается адресатом сонета 99, выведенным из сравнения с сонетом 20.

Или адресат сонета 98, выведенный из сравнения с сонетом 97, подтверждается сравнением с сонетом 21.

Такая взаимосвязь адресности сонетов является контрольной проверкой для всей логики анализа, подтверждая, что эта логика является единой и не ушла в сторону других возможностей.

Если бы это было не так, то в момент ухода в сторону от единой логики мы бы столкнулись с неразрешимыми противоречиями в независимых указаниях на адресата очередного сонета, выведенными из разных сонетов.

Глава 4. Сонеты 100—105. Забытый Музой

Так выделена череда сонетов 100 -105 с адресатом – другом поэта.

Мы не можем распространить действие признаков череды 97—99 и далее на сонет 100, так как встречаем в нём противоречие адресату – возлюбленной поэта.

Сонет 100

Сменилась тема, в сравнении с сонетом 99.

Но как мы уже неоднократно видели, смена темы указывает только на смену обстоятельств, и часто не совпадает со знаком смены адресата.

Для точной диагностики необходимо проверить ракурс темы сонета 100 на противоречия в отношении адресата предыдущего сонета 99.

Первое, что бросается в глаза – то, что поэт недоволен своей Музой в хвале адресата. Может ли такое быть в отношении друга?

Да. Мы видели в череде сонетов 76—86, что поэт признал «твой вид достоин силы лучшего пера» (сонет 79) и Муза его умолкла – «я только мысль» (сонет 85).

Но может ли поэт быть недовольным Музой в хвале возлюбленной?

Тоже возможно. Ведь сонетом 21 поэт прямо ограничил свою Музу в выборе средств восхваления – «зачем хвалить...?» и следовал этому ограничению.

Так в чём же суть этого недовольства – в том, что поэт решил, что теперь он будет писать лучше и талантливее в отношении друга, или в том, что он восполнит упущенные возможности хвалы в отношении возлюбленной?

Сонет 100. Оригинальный текст

Where art thou, Muse, that thou forget'st so long
To speak of that which gives thee all thy might?
Spend'st thou thy fury on some worthless song,
Dark'ning thy pow'r to lend base subjects light?
Return, forgetful Muse, and straight redeem
In gentle numbers time so idly spent;
Sing to the ear that doth thy lays esteem
And gives thy pen both skill and argument.
Rise, resty Muse, my love's sweet face survey,
If Time have any wrinkle graven there;
If any, be a satire to decay,
And make Time's spoils despised every where.
Give my love fame faster than Time wastes life;
So thou prevent'st his scythe and crooked knife.

Однако, в отношении возлюбленной смена подхода к хвале означала бы, как мы знаем из сонета 36, угрозу придать всё огласке. Но вряд ли у возлюбленной за прошедшее время сменился статус или появилась возможность не опасаться огласки.

А как мы всегда видели, Шекспир очень чутко относился к проблемам своих адресатов.

Поэтому более вероятно, что поэт говорит о друге. Ведь успокоившись по прошествии времени, поэт вполне мог считать, что теперь то он покажет лучшее, на что способен.

Но такое указание на друга, как уже было сказано, не является самодостаточным, а пока только имеет гораздо более высокую вероятность.

Окончательное подтверждение этому мы найдём в сонете 101, где будет продолжение темы в сочетании с образом друга и отсутствием противоречий с сонетом 100.

А значит, мы имеем право распространить указание сонета 101 на сонет 100 и считать, что в сонете 100 произошла смена адресата.

Сонет 101

Тема «призывы к Музе» продолжается.

Но нас в данном случае интересует то, что периодическое использование Шекспиром местоимения «he – он» однозначно указывает на персонажа сонета – мужчину.

Считать, что этот персонаж – друг поэта, есть все основания, ведь противоречий в сонете нет.

Сонет 101. Оригинальный текст

O truant Muse, what shall be thy amends
For thy neglect of truth in beauty dyed?
Both truth and beauty on my love depends;
So dost thou too, and therein dignified.
Make answer, Muse, wilt thou not haply say,
«Truth needs no colour with his colour fixed,
Beauty no pencil, beauty's truth to lay;
But best is best, if never intermixed?»
Because he needs no praise, wilt thou be dumb?
Excuse not silence so, for't lies in thee
To make him much outlive a gilded tomb,
And to be praised of ages yet to be.
Then do thy office, Muse; I teach thee how
To make him seem long hence as he shows now.

То обстоятельство, что в сонете 101, также, как и в сонете 100, отсутствует обращение к персонажу сонетов – другу поэта, но присутствует обращение к «Музе», вовсе не указывает на нового адресата – музу, а ставит эти сонеты в ряд философских сонетов с условным адресатом «поэт», также, как было подробно разобрано при анализе на адресность череды сонетов 62—68.

Это обстоятельство будет иметь значение при анализе сонетов на соответствие с фактами биографий.

Сейчас же, при анализе на адресность, можно было бы и не выделять условного адресата, ведь для короткой череды из двух сонетов (100 и 101) такое выделение не ведёт к сокращению объёма анализа, как это было при анализе череды 62—68.

Сонет 102

Поэт сменил тему и вернулся к прямому обращению к адресату, что всё вместе указывает пока только на очередное изменение обстоятельств.

В содержании сонета видно стремление к восстановлению отношений с адресатом.

Ведь с тех пор как чужие стихи стали причиной размолвки (сонеты 87, 88), поэт написал другу три сонета 94,95,96 весьма «скользкого» содержания, где пытался сказать другу о его недостатках, а также два предыдущих сонета 100 и 101, где выразил недовольство своей музой, призывая её исправить положение дел.

Всё это могло вызвать сомнения у друга в силе дружеского чувства поэта.

Поэтому поэт спешит заверить друга, что ничего не изменилось в его чувствах, они даже стали сильнее: «Моя любовь сильнее, хоть вид – слабее, Люблю не меньше – мало лишь на вид – My love is strength'ned, though more weak in seeming; I love not less, though less the show appear».

Такая трактовка намёков логично следует из сравнения сонета 102 с вышеперечисленными сонетами и однозначно указывает на адресата – друга поэта.

Ничего подобного в отношениях с возлюбленной никогда не было, вернее, было всё ровно наоборот. Поэт постоянно сожалел о том, что не его чувства к ней, а, именно, чувства возлюбленной к нему не так сильны, как ему бы хотелось, например, сонеты 89—93.

Поэтому можно было бы обойтись и без прямых указаний сонета 101 на адресата. Ведь знаков смены адресата – противоречий – не было, начиная с сонета 100.

Сонет 102. Оригинальный текст

My love is strength'ned, though more weak in seeming;
I love not less, though less the show appear :
That love is merchandised whose rich esteeming
The owner's tongue doth publish every where.
Our love was new, and then but in the spring,
When I was wont to greet it with my lays,
As Philomel in summer's front doth sing,
And stops his pipe in growth of riper days:
Not that the summer is less pleasant now
Than when her mournful hymns did hush the night,
But that wild music burthens every bough,
And sweets grown common lose their dear delight.
Therefore like her, I sometime hold my tongue,
Because I would not dull you with my song.

Также интересен ракурс значения «песни соловья», т.е. любовных сонетов поэта, в отношениях с другом. Любовь «как песня соловья в начале лета – As Philomel in summer's front doth sing» – вот что является главным – словесное выражение любви, а не физический контакт. Ведь поэта заботит то, чтобы «не стать скучным в песнях – Because I would not dull you with my song», а не в чём-то другом. И поводом замолчать для себя поэт считает не физическую измену друга, а «гвалт», «толканья песен» других поэтов.

Кроме того, о какой Любви говорит поэт, если её силу и величину для друга определяет «вид» поэта, а её ценность специально не сообщается, чтобы никто не подумал, что она продаётся?

Но, очевидно, что другим способом – не внешним, не словесным – друг узнать эту ценность и не может, т. к. в его распоряжении только «вид» и «песни» поэта. Друг может только смотреть и слушать.

Также очевидно, что все проявления такой Любви – мысленные, душевные, а не физические, и для друга, которому «мало на вид» и «вид слабее», и для поэта, которому это же самое – «не меньше» и «сильнее».

Всё это подтверждает ещё раз, наряду с сонетами 20, 39, 42 и 88, характер отношений с другом, в которых нет ничего, кроме дружбы и восхищения.

Вероятно, что такое «упорное» (во многих сонетах) употребление поэтом обращения к другу «мой возлюбленный» как раз и вызвано стремлением показать уникальность (а не извращённость) отношений для поэта, т.е. вызвать интерес, т.е. «не стать скучным в песнях».

Сонет 103

Продолжает тему «воспоминаний и оправданий» перед другом, начатую в сонете 102.

Теперь поэт намёком вспоминает о «поражении» своих стихов перед образом друга, уничтожая свои стихи и оправдывая своё молчание недостижимой для стихов красотой друга.

Как помним, именно такое отношение к сонетам другу было выражено в сонетах 72 и 83, но в сонете 72 не было объяснения причин, а сонет 83 также оправдывал молчание.

Теперь причины названы в виде комплимента красоте друга, «превзошедшей воображение – That overgoes my blunt invention quite», что подтверждает желание поэта восстановить прежние отношения.

Сонет 103. Оригинальный текст

Alack, what poverty my Muse brings forth,
That, having such a scope to show her pride,
The argument all bare is of more worth
Than when it hath my added praise beside.
O blame me not if I no more can write!
Look in your glass, and there appears a face
That overgoes my blunt invention quite,
Dulling my lines, and doing me disgrace.
Were it not sinful then, striving to mend,
To mar the subject that before was well?
For to no other pass my verses tend
Than of your graces and your gifts to tell;
And more, much more than in my verse can sit,
Your own glass shows you, when you look in it.

Попутно идёт переключка с темой сонетов 100—101, где поэт упоминал свою Музу, обращаясь к ней напрямую.

Здесь же поэт вспоминает о ней в третьем лице, но преемственность смысла осталась – недовольство музой в хвале адресата.

Важно заметить, что образ зеркала использован здесь Шекспиром совсем в другом ракурсе, чем в сонете 3 молодому родственнику.

Если там поэт советует смотреть в зеркало для понимания недолговечности красоты, то здесь зеркало предстаёт предметом, где красота будет видна лучше всего, даже лучше стихов.

И соответственно делаются разные выводы и даются разные советы адресатам: родственнику – подумать о продолжении рода, другу – любоваться собой.

Это ещё раз подтверждает разных адресатов в сонетах 3 и 103.

Сонетом 103, наряду с сонетами 18, 64 и 71, окончательно оформляется ряд аргументов в пользу другого адресата (не друга) в первых 17-ти сонетах.

Сонет 104

Продолжает тему «воспоминаний и оправданий», начатую в предыдущих сонетах.

Теперь поэт говорит о давних отношениях с адресатом. Compliments молодости и красоты друга, несмотря на прошедшие годы, подтверждают стремление поэта к восстановлению отношений: «Вы для меня не станете ни хуже, ни старше – To me, fair friend, you never can be old».

Преемственность смысла с сонетами 102 и 103 очевидна. Противоречия в этом нет, и, значит, адресат – прежний – друг поэта.

Сонет 104. Оригинальный текст

To me, fair friend, you never can be old,
For as you were when first your eye I eyed,
Such seems your beauty still. Three winters cold
Have from the forests shook three summers' pride,
Three beauteous springs to yellow autumn turned
In process of the seasons have I seen,
Three April perfumes in three hot Junes burned,
Since first I saw you fresh which yet are green.
Ah yet doth beauty, like a dial-hand,
Steal from his figure, and no pace perceived;
So your sweet hue, which methinks still doth stand,
Hath motion, and mine eye may be deceived;
For fear of which, hear this, thou age unbred:
Ere you were born was beauty's summer dead.

Сонет 105

Поэт опять вернулся к рассуждениям о персонаже в третьем лице, как в сонетах 100 и 101, что указывает только на очередное изменение обстоятельств.

Сонет 105. Оригинальный текст

Let not my love be call'd idolatry,
Nor my beloved as an idol show,
Since all alike my songs and praises be
To one, of one, still such, and ever so.
Kind is my love to-day, to-morrow kind,
Still constant in a wondrous excellence;
Therefore my verse, to constancy confined,
One thing expressing, leaves out difference.
«Fair, kind and true' is all my argument,
«Fair, kind, and true', varying to other words,
And in this change is my invention spent,
Three themes in one, which wondrous scope affords.
«Fair, kind, and true' have often lived alone,
Which three till now never kept seat in one.

Указание на адресата или персонажа сонета необходимо искать в смысле фразы: «так к постоянству и мой стих прикован – Therefore my verse, to constancy confined», который перекликается со смыслом сонета 76, где уже была попытка объяснить другу постоянство (повторение одного и того же в разных ракурсах) своих стихов: «мой стих... всегда в одном и предан одному» (76).

Поэт подтверждает, что остался верен своим старым принципам, что, согласно нашей логике, является однозначным указанием на друга, ведь мы считаем Шекспира последовательным, не меняющим своих принципов в отношении адресатов.

Самостоятельным указанием на друга является сравнение с сонетами 53 и 54, где, именно, другу принадлежит такое качество, как верность.

В сонетах к возлюбленной поэт, наоборот, периодически подозревает её в неверности, например, сонеты 57,58,61,92,93.

Такой трактовке не противоречит и смысл замка сонета 105, который является намёком на друга, в котором и собрались одновременно лучшие качества, в т.ч. – верность.

Если бы в сонете 105 имело место прямое обращение к другу, то преемственность смысла с темой предыдущих сонетов была бы более очевидна, ведь опять продолжают «воспоминания» о ситуациях сонетов 53,54 и 76, и «оправдания» в заверениях неизменности своих принципов.

Но прямого обращения нет, и трактовать сонет 105 необходимо с привлечением условного адресата «поэт», как осмысление поэтом для самого себя возникших обстоятельств.

На протяжении череды сонетов 100—105 поэт два раза сменил форму повествования о персонаже – друге поэта, то обращаясь к нему напрямую (сонеты 102—104), то ведя о нём рассказ в третьем лице (сонеты 100, 101 и 105).

И ранее мы также видели, и впоследствии ещё не раз увидим в сонетах, что Шекспир периодически так поступает.

Для анализа на адресность в этом обстоятельстве важно отметить, как эти две формы повествования соотносятся с указаниями на адресата сонетов.

Например, если речь идёт о друге, то независимо от формы повествования мы имеем право воспользоваться сравнением с любым сонетом, где друг либо был, либо не был адресатом, но в любом случае был персонажем сонета.

Другими словами, условный адресат «поэт», который был введён для случаев отсутствия прямого обращения к персонажу сонета, не исключает соответствующие ему сонеты из возможности сравнения.

Но почему тогда нельзя вообще обойтись без условного адресата «поэта»?

Ведь в анализе на адресность можно объединить все сонеты, например, и обращённые к другу, и посвящённые ему, не разделяя их по форме повествования.

Да, так можно было бы поступить, если бы анализом на адресность всё заканчивалось, если бы этот анализ был самодостаточен, т.е. доказывал, построенную с его помощью, адресность сонетов.

Но, как было уже неоднократно сказано, логично выстроенная возможность некой адресности является только возможностью, и сама по себе ничего не доказывает, ведь приняв за основу теоретически ничем не ограниченное количество разных логических предпосылок, мы получим, теоретически, ровно такое же количество разных логических структур адресности.

И хотя, практически, в полном объёме, это положение никто не проверял, но наличие нескольких, не совпадающих друг с другом, логичных с точки зрения их авторов, гипотез адресности сонетов Шекспира являет собой подтверждение этому.

К сожалению, авторы таких гипотез принимают возможность за верность, а обязательность логичности за достаточность. Но будучи не подтверждёнными соответствием с фактами биографий такие гипотезы не могут быть признаны доказанными, как бы логичны и возможны они ни были.

Поэтому мой анализ на адресность служит, в том числе, удобству последующего анализа на соответствие с фактами биографий, в котором и будет подтверждена, построенная сейчас, адресность сонетов.

В анализе на соответствие с фактами биографий будут подробно разобраны все обстоятельства написания сонетов, и прямо, и косвенно следующие из текста сонетов, которые сейчас упомянуты мной только вскользь.

К числу таких обстоятельств относится и отсутствие прямого обращения к персонажу сонета, важность разделения которого с сонетами, где прямое обращение к персонажу имеет место, будет видна только в этом анализе, так как эти обстоятельства станут указателями соответствий фактам биографий.

Поэтому, чтобы не запутывать читателя, т.е. здесь объединить сонеты, не обращая внимание на форму повествования, а потом, в последующем анализе, разделить их по этому признаку, я посчитал более удобным разделить их сразу в анализе на адресность, введя условного адресата «поэт».

Тем более, что не упомянуть в анализе на адресность, как влияет на неё форма повествования было бы не корректно.

Глава 5. Сонеты 107—112. Суд над ложью сердца

Так череда сонетов 107—112 выделена в отдельную главу не только потому, что в сонете 107 снова меняется адресат, но также и потому, что Шекспир, начиная с этого сонета, перестал чередовать сонеты другу и возлюбленной по несколько штук, как делал это после сонета 88, а расположил далее в конце своей нумерации сначала подряд 20 сонетов другу, а потом подряд 28 сонетов возлюбленной.

Поэтому, дополнительно, мы начинаем исследовать другие, кроме чередования, основания параллельности написания сонетов другу и возлюбленной после сонета 88, чтобы, в дальнейшем, при анализе на соответствие с фактами биографий, свести воедино эти, пока только раздельно найденные, основания.

Начинаем мы с разделения последних двадцати сонетов другу на несколько периодов, отличающихся друг от друга резкой сменой настроения. Здесь необходимо на это обратить внимание и просто запомнить.

Первые два периода охватывают сонеты 107—112.

Сонет 107

Определить адресата только по сонету 107 невозможно.

Первый катрен – набор общих фраз, который подойдёт любому.

Но понять можно, что и сам поэт, и прорицатели («дух вещей – the prophetic soul») полагают, что Любовь умрёт («гибельный предел – a confined doom»).

Речь во втором катрене идёт о примирении с адресатом («оливы на бескрайний век – olives of endless age»), несмотря на «затмение» Смертной Луны (The mortal moon) и предсказания «авгуров».

Как видим первые два катрена являются намёками, которые можно трактовать по-разному, в зависимости от адресата, но сами по себе на адресата не указывают.

Например, можно было бы считать их следствием размолвки с возлюбленной, отражённой в сонетах 89—92.

Однако, в третьем катрене сонета 107 мы встречаем прямое указание на причину размолвки с адресатом: «назло ей (смерти) буду жить хоть в рифмах бедных – Since spite of him I'll live in this poor rhyme».

Именно, эти «бедные рифмы», заметьте, не покорность, не вновь вспыхнувшие чувства, не что-либо другое, противопоставляются («жить назло») смерти Любви.

При этом поэт не говорит, что теперь, с новой Любовью, его «рифмы» станут богатыми, что вполне мог бы себе позволить, если бы не связывал с определением «бедные» намёка на предшествующие, известные адресату, обстоятельства, когда рифмам поэта была дана эта характеристика.

Сонет 107. Оригинальный текст

Not mine own fears, nor the prophetic soul
Of the wide world, dreaming on things to come,
Can yet the lease of my true love control,
Supposed as forfeit to a confined doom.
The mortal moon hath her eclipse endured
And the sad augurs mock their own presage,
Incertainties now crown themselves assured,
And peace proclaims olives of endless age.
Now with the drops of this most balmy time
My love looks fresh, and Death to me subscribes,
Since spite of him I'll live in this poor rhyme,
While he insults o'er dull and speechless tribes.
And thou in this shalt find thy monument,
When tyrants' crests and tombs of brass are spent.

Но размолвку с другом из-за стихов («бедных рифм») мы видели только в сонетах 82—87. Стихи никогда не были причиной размолвок с возлюбленной.

Поэтому сопоставление с сонетами 82—87 указывает, что в третьем катрене сонета 107 речь идёт о друге.

На это же указывает и сопоставление с сонетом 102, где поэт вспоминает о своей «песне», которая «смокла» в чужом «гвалте», явно намекая на ту же размолвку. Другими словами, адресатом сонета 107 является друг поэта.

Но если это так, то первый катрен сонета 107 легко объясним сонетом 104, где речь идёт о сроке знакомства. Почти в конце этого срока произошла и размолвка (сонет 87). Естественно,

в течение размовки поэт не мог знать её окончания, отсюда, вероятно, но не обязательно, и «личный страх» и «дух вещей» и «гибельный предел» (в сонете 87 другу было сказано «прощай»).

Эти сонеты только подтверждают друга в сонете 107, но не дают полной картины сюжета, так как мы пока не знаем того, что пропущено.

Второй катрен в части «затмения Смертной Луны» – сравнение, придающее Любви королевское достоинство (такое прозвище было у королевы Елизаветы).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.